TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHIK 306 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
XXI

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАРТУ 1973

ЖУРНАЛ «ЖЕНСКИЙ ВЕСТНИК»

Статья 2[1]

П. С. Рейфман

Литературно-критические оценки и беллетристика

Эстетическая программа «Женского вестника», как и его общественно-политические и социальные воззрения, была связана с идеями демократической журналистики, с традициями «Современника». Редакция прямо обращалась к положениям эстетической теории, сформулированной Чернышевским в диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». О теории Чернышевского довольно подробно говорилось во «Внутреннем обозрении» № 4. Автор его, Чуйко, полемизировал с Е. Н. Эдельсоном. Последний в первой книге «Всемирного труда» (1867) обвинял Чуйко в непоследовательности, так как он хвалит Тэна и одновременно признает «родоначальником всех здравых у нас идей об искусстве автора «Эстетических отношений искусства к действительности»»[1a]. С точки зрения Эдельсона, сочувствовать и Тэну, и Чернышевскому невозможно, так как первый принимает искусство, а последний отвергает его. Эстетическое учение Чернышевского, по Эдельсону, — «есть совершенно последовательное развитие тезиса «искусство ниже действительности». Выньте в самом деле из книги это положение, и она распадется»[2]. Сопоставления Тэна и Чернышевского, делаемые Чуйко, кажутся Эдельсону совершенно неправомерными, так как «основные положения Тэна находятся в совершенном разладе с мыслями о ремесленности искусства, о его подчиненном положении относительно действительности и т. п., которые считаются у нас многими за новые и совершенно современные идеи об искусстве»[3]. Эдельсон недоумевает, «каким

---

[1] См. Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 266. Тарту, 1971.

[1a] См. статью Эдельсона «О значении искусства в цивилизации» («Всемирный труд», 1867, № 1, с. 248).

[2] Там же.

[3] Там же, с. 249.

путем переводчик книги Тэна <т. е. Чуйко — *П. Р.*> умел найти в ней связь с проповедуемыми в последнее время у нас идеями об искусстве»[4].

Упреки Эдельсона во многом справедливы. Тэн и Чернышевский, конечно, не были единомышленниками в их взглядах на искусство. Чуйко, сближая Тэна с Чернышевским, допускал на самом деле натяжку. Но важно здесь другое. Чуйко истолковывает Тэна, пусть и неправомерно, в духе теории Чернышевского, высоко оценивая положения, сформулированные в «Эстетических отношениях искусства к действительности». Эдельсон же, более тонко уловив отличие Тэна от Чернышевского, принимая Тэна, использует его в борьбе против эстетической теории Чернышевского. Такое истолкование позиции Чернышевского было в 1860-е гг. широко распространено. Оно встречалось не только у противников Чернышевского, но и у критиков революционно-демократического лагеря (см., например, статью Писарева «Разрушение эстетики»). Между тем такое истолкование не соответствовало объективному смыслу теории Чернышевского, хотя некоторые детали ее давали известное основание для подобного осмысления.

Редакция «Женского вестника» была в целом права, утверждая, что теория Чернышевского — не разрушение эстетики, не оправдание ремесленности искусства, а обоснование новой реалистической эстетики, направленной против эстетики идеалистической. Возражая Эдельсону, Чуйко утверждал, что «Эстетические отношения...» и книга Тэна «История английской литературы» принадлежат к одному направлению: «Оба эти сочинения уже потому имеют серьезную связь между собой, что оба стоят на совершенно прочных, не фантастических основаниях, и решительно отодвигают в сторону те <...> общие места, на которых основывается и развивается вся теория Фишера» (с. 47).

Полемику «Женского вестника» с Эдельсоном можно рассматривать в ряду таких литературных фактов, как статья Антоновича «Современная эстетическая теория», направленная в защиту Чернышевского. Не случайно Эдельсон, споря с Чуйко, упоминает имя Антоновича, не называя его статью, но явно имея ее в виду.

Истолкование Тэна в духе идей Чернышевского, характерное для ряда демократических изданий (о Тэне с сочувствием упоминает «Заграничный вестник»[5], с похвалой говорит Писарев, хотя и считает его чистейшей воды «эстетиком»[6]), определяет

---

[4] Эдельсон. О значении искусства в цивилизации. — «Всемирный труд», 1867, № 1, с. 249.

[5] «Заграничный вестник», 1864, № 4, с. 200, № 8, с. 213.

[6] Д. И. Писарев. Соч. в 4 тт. М., 1955—1956, т. 2, с. 146, т. 3, с. 425—426, 509—510.

большинство откликов редакции «Женского вестника» на творчество Тэна. Начиная с № 4, в приложении печатается с перерывами его «История английской литературы», которая, видимо, привлекает редакцию тем, что литературные произведения рассматриваются в ней как отражение окружающих нравов, как своеобразный документ, определяемый средой и эпохой, помогающий узнать прошлое, увидеть человека своего времени.

По материалам работ Тэна написана статья Чуйко «Английские романисты» (№ 2), в которой Тэн оценивается чрезвычайно высоко. Чуйко называет его одним из умнейших и талантливейших писателей современной Франции, «знаменитым критиком»; в произведениях его, по словам Чуйко, литературные явления и жизнь тесно связаны между собою (с. 4). Останавливаясь на тэновских оценках Диккенса и Теккерея, Чуйко обращает внимание на то, что для французского критика эти писатели — «защитники естественных чувств против общественных учреждений» (с. 5).

В статье Лаврова «Женщины во Франции в XVII и XVIII веках» Тэн противопоставляется разлагающейся буржуазной литературе наполеоновской Франции, страны, в которой «единственные таланты, вроде Тэна, считаются подозрительными» (№ 4, с. 53).

Редакция «Женского вестника» ведет непрекращающуюся борьбу против реакционной литературы, «чистого искусства», ратуя за литературу демократическую, связанную с отрицанием существующего общественного порядка. В «Библиографическом обозрении» № 7, в обзоре стихотворений А. К. Толстого, «чистое искусство» рассматривается как «страстишка праздной молодости», «совершенно бездумное приложение своего ума» (с. 50). Оценка стихотворений Толстого оказывается далеко не во всем справедливой, но она соответствовала точке зрения демократических изданий на творчество Толстого, логике борьбы с позицией «чистого искусства».

В обозрении с удовлетворением отмечалось, что в последнее время поэтов «чистого искусства» становится все менее, что «даже самый великий предводитель, Фет, и тот куда-то спрятался в глухой уголок и занимается преспокойно в настоящее время разводкой гусей, рогатого скота и т. д.» (с. 53). Обозреватель намекал на тот громкий скандал, который был вызван очерком Фета «Из деревни», его жалобами на крестьянских гусей и т. п. и иронически комментировался в свое время буквально всей демократической печатью.

Резко осуждается реакционная беллетристика, связанная с изданиями Каткова, Краевского, враждебная демократической литературе. В «Библиографическом обозрении» № 7 идет речь о литературной реакции как отражении реакции общественной, когда общество вынуждено «жить в такое время и во всем

фактически соглашаться с Краевскими, Катковыми и tutti quanti, что во всем они должны быть его главными деятелями, что вне их не осталось никого и не является ни одной книги, ни одного труда, принадлежащего кому-нибудь вне их сотрудников, их учеников и их последователей» (с. 30). Размышления обозревателя как бы перекликаются со словами Щедрина о беспримерном наплыве благонамеренности в литературу, о причинах, заставивших «нигилистов» замолчать[7].

В подобной же мрачной тональности выдержана статья Александрова «Без книг» (№ 8). Она начинается эпиграфом из «Темного царства» Добролюбова: «Ни один звук с вольного воздуха, ни один луч светлого дня не проникает в нее <...> тут страдают наши братья <...> И неоткуда ждать им отрады, негде искать облегчения: над ними буйно и безотчетно владычествует бессмысленное самодурство <...>, не признающее никаких разумных прав и требований» (с. 17)[8]. Характерно и само обращение Александрова к традиции Добролюбова, и мысль о том, что оценка Добролюбовым «темного царства», дореформенной России остается в силе, и общая тональность статьи, определяемая уже эпиграфом. Приведенные слова — одна из самых концентрированных и резких добролюбовских характеристик «темного царства» — отчетливо свидетельствовали о том, как относится Александров к современной общественно-политической обстановке, и о том, как он оценивает литературу, порожденную этой обстановкой.

Но еще более точку зрения автора могли бы прояснить слова Добролюбова, которые в эпиграф непосредственно не включаются, но которые в статье «Темное царство» предшествовали приведенным Александровым словам и были хорошо известны демократическому читателю: «Это мир <...> тюремного, гробового безмолвия <...> гнилью и сыростью воет темная и тесная тюрьма»[9]. Зловещий символ страны-тюрьмы возникает перед читателем статьи «Без книг» с самого ее начала, с эпиграфа. И как следствие сложившейся обстановки рассматривается в статье бесплодность и никчемность современной литературы.

С горькой иронией говорит Александров о Фете, Алексее Толстом, Крестовском, о литераторах безвременья: «Начиная с близнецов Скарятина и Юматова и кончая такими же близнецами из Москвы <т. е. Катковым и Леонтьевым — *П. Р.*>, — тянется целая стая гг. Страховых, Аверкиевых, Авенариусов,

---

[7] М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20 тт. М., 1965, т. 6, с. 56.

[8] Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9 тт. М.—Л., 1961—1964, т. 5, с. 30—31.

[9] Там же, с. 30.

потом «Марево», т. е. г. Клюшниковых, потом «Взбаламученное море», т. е. г. Писемский, а еще Всеволод Крестовский, а еще г. Соловьев, ну да много их» (с. 22).

Все журналы, по словам Александрова, «теперь смазались такой одноцветной краской» (с. 31), «все дошло уже до такого отчаяния, такой понесло гнилью и разложением, что не верится, чувствуя за собой недавно начала шестидесятых годов» (с. 32). В статье не просто отмечается общественный и литературный застой; в ней содержится прямое противопоставление его годам революционного подъема, о которых с грустью вспоминает автор.

Об упадке и разложении литературы, вызванных реакцией, идет речь и в статье Н. Благовещенского «Наша современная журналистика» (№ 6). В ней высказывается мнение, что литература и журналистика возвращаются к далеким дореформенным временам, к старым эстетическим иллюзиям. Благовещенский приводит заявление «Литературной библиотеки», выражающей радость по поводу такого изменения, осуждающей «новых людей», «алюминиевые дворцы» и т. п.[10] Он с горечью признает, что заявление соответствует действительности, что на смену литературе, вызывавшей негодование реакционеров, в обилии появились произведения, напоминающие седую старину («Островитяне» Стебницкого, «Петербургские трущобы» Крестовского, «Поветрие» Авенариуса), скучные и неталантливые, ничем не связанные с современностью, кроме надоевших толков о «нигилистах», «над которыми вволю потешается теперь наша разнуздавшаяся пресса!» (с.87).

По словам Благовещенского, в борьбе с «нигилистами» в литературе выработалось «трущобное» или «клубничное» направление: в книгах со смаком рисуются картины разврата, изображение которого якобы должно обличить «нигилизм». Резко критикуется роман Стебницкого «Чающие движения воды»[11], содержащий «пошлые и бесплодные инсинуации против нигилистов» (с. 94). С возмущением рассказывается о повести Авенариуса «Поветрие», опубликованной во «Всемирном труде» Хана[12] и изумившей «всю нашу прессу, уже привыкшую повидимому ко всякому безобразию»; в «Поветрии» «наглая инсинуация на нигилистов достигла до последних пределов бесполезного усердия» (с. 10). Упоминается о «грязненьких» и «пошленьких сценках» «Петербургских трущоб» Крестовского, который посмел ссылаться на Помяловского, призывавшего исследовать общественные язвы. С иронией говорится о произведениях Генслера, Ахшарумова, Аверкиева, опубликованных

---

[10] См. «Литературную библиотеку», 1866, № 2, с. 98.
[11] Так назывались первоначально «Соборяне».
[12] «Всемирный труд», 1867, № 2.

в журнале «Всемирный труд», который характеризуется как «интересный сборник того умственного и литературного убожества, которому уже не дают места в других журналах» (с. 98).

Тема реакционной антинигилистической литературы широко освещается и в «Новостях петербургской жизни». Здесь высмеивается антинигилистический роман Лескова «Некуда», посвященный изображению «нравственной пропасти», «которая зовется ужасными словами, кончающимися на *изм*» (№ 5, с. 52).

Редакция «Женского вестника» показывает несостоятельность реакционной и либеральной публицистики, литературной критики. Неоднократно осуждается Катков, Скарятин, Краевский, Н. Соловьев. Последний характеризуется как один из наиболее типичных представителей антидемократических, антинигилистических тенденций в критике [13].

Полемизируя со славянофильской «Москвой», утверждавшей, что «Женский вестник» и «Дело» — обесцвеченные «Современник» и «Русское слово» [14], автор «Внутреннего обозрения» № 4 отмечает, что при чтении «Москвы» на него «пахнуло той знакомою гнилью, которая бьет в нос при чтении «Домашней беседы»» (с. 33).

Обращается внимание на эволюцию от былого демократизма к реакционности, которую проделал А. С. Суворин: «Я вспоминаю одну собаку. Это была во время своей молодости хорошая, честная и полезная собака. Но она отъелась, зажирела и обратилась в комнатного жирного пуделя, пользовавшегося лаской барина» (№ 6, с. 121). Знаменательно, что С., автор «Новостей петербургской жизни», по намечающимся тенденциям, еще не всем заметным, как бы предсказывает дальнейший путь Суворина.

В «Causerie» № 1 помещен иронический призыв, обращенный к реакционным и либеральным журналистам; им рекомендуется прекратить споры и обратиться к благонамеренному единомыслию: «Ах, дорогие собраты, к чему сии ссоры, брани, пререкания! К чему эта взаимная критика друг друга! Не лучше бы так — всем петь одну и ту же песню и в тот же тон и, буде место в журнале или газете позволяет, даже перепечатывать друг друга» (с. 73). Высмеиваются и призывы либеральных публицистов, ратующих за «мир», за «сдержанность» в полемике, и несерьезность расхождений между либералами и реакционерами.

По-иному оцениваются в «Женском вестнике» произведения ведущих русских писателей-реалистов. Эти оценки определены

---

[13] См., например, «Нашу современную журналистику», 1867, № 6, с. 102—103.

[14] См. «Газетные отметки». — «Москва», 1867, № 11.

задачами борьбы демократической журналистики со своими противниками, они далеко не всегда объективны. Но тональность их совсем другая, чем в тех случаях, когда речь идет о Клюшниковых и Авенариусах. Так, в статье «Наша современная журналистика», Благовещенский, критикуя «Всемирный труд» Хана, с сожалением отмечает, что в него «неожиданно попал и г. А. Островский» (№ 6, с. 98). Пьеса Островского «Тушино», опубликованная во «Всемирном труде», по словам Благовещенского, не лучше других произведений, напечатанных в журнале Хана, «но нам все-таки жалко видеть г. Островского в этой коллекции» (с. 98).

Останавливается Благовещенский и на романе Тургенева «Дым», считая, что в книге осмеяны все партии, а спасение автор ее видит в цивилизации, которой в России почти нет. По мнению Благовещенского, наиболее интересно то разочарование в надеждах, которое сказалось в «Дыме».

Демократические издания встретили «Дым» довольно сдержанно. Это определило и тон отзыва Благовещенского. Однако оценку тургеневского романа в «Женском вестнике» нельзя назвать враждебной. Благовещенский считает, что в «Дыме» много правды, что мрачность мировосприятия у Тургенева порождена временем разочарований и крушения иллюзий. Однако Благовещенский осуждает Тургенева за то, что он не разобрался в причинах, которые привели к торжеству реакции, изобразил в карикатурных тонах новых людей, кружок Губарева. Благовещенскому оказывается близким тургеневское недовольство действительностью, его «желчь и злость». Но критик «Женского вестника» недоволен тем, что движение начала 1860-х гг. потерпело поражение, Тургенев же, по мнению Благовещенского, недоволен самим движением. Особенно осуждается в статье сцена у Губарева, которой, по словам Благовещенского, Тургенев унизил себя «и поставил свой роман на одну доску с романами гг. Стебницкого и Авенариуса»; эта сцена кладет «новое пятно на его имя» (с. 97). Знаменательно, что Благовещенский говорит о новом пятне. Следовательно, он считает, что и прежде на имени Тургенева имелись пятна. Подобная оценка Тургенева, при всей ее несправедливости, выдержана в духе тех отзывов, которые давались об «Отцах и детях», «Призраках», «Довольно» в большинстве демократических изданий. Знаменательно и то, что слабость Тургенева Благовещенский называет «сердитым бессилием» (с. 96), употребляя те же слова, которыми Писарев назвал свою статью об антинигилистическом романе Клюшникова «Марево»; произведения Тургенева в какой-то степени сближаются с таким романом. В то же время Благовещенский отмечал талант и мастерство Тургенева в описании любовных сцен, хвалил образ Ирины.

Литературе и журналистике реакционно-либерального лагеря в «Женском вестнике» противопоставляются произведения демократических писателей и критиков. Редакция обращается к традиции «Современника», Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Так, автор «Библиографического обозрения» № 7, указывая на роль народа в истории, на то, что эта роль в России исследована слабо, отмечает заслуги деятелей последнего периода в изучении народной истории. К таким деятелям Александров относит и Н. И. Костомарова, имея в виду его работы о Степане Разине и Богдане Хмельницком, но в первую очередь подразумеваются труды революционных демократов, сотрудников «Современника». В статье говорится, что в области «литературных мнений и взглядов» «первые заявления и постоянные толкования об этом[15] принадлежат деятелям «Современника» (с. 33).

В «Библиографическом обозрении» № 8 упоминается о Белинском, который учил общество первоначальной грамотности, о Добролюбове. Говорится о необходимости продолжать их традиции, от которых, к сожалению, отошла современная литература.

Перечисляя полезные книги, издававшиеся в недавнем прошлом, пробуждающие самосознание общества, автор называет сочинения Бокля, Гюго, Беранже, Гейне, Байрона, Гуда, Добролюбова, Некрасова, Михайлова, Помяловского, Островского. С похвалой говорит он о произведениях Тургенева и Гончарова, написанных в 1840—1850-х гг.: «Этим путем шла вся современная литература и писались все дельные статьи и сочинения. Впрочем, недолго. Были люди, энергично и разумно взявшиеся за дело, были книги, трепавшиеся до последней страницы, лекции, школы» (с. 21). Совершенно очевидно, что речь здесь идет о «Современнике» и «Русском слове», о воскресных школах, о всех явлениях общественной жизни, связанных с революционно-демократической традицией.

Редакция возражает против попыток пересмотреть оценки, сделанные в предыдущие периоды революционными демократами. Так, в статье Благовещенского «Наша современная журналистика» резко осуждается выступление Н. В. Малыхина о Кольцове, опубликованное в «Отечественных записках»[16]. Малыхин пытался защитить воронежское общество от критики Белинского и Кольцова. С точки зрения Благовещенского, задача эта совершенно неблагодарная.

---

[15] Т. е. о роли народа, о том, что история должна быть историей народа, а не рассказом о жизни царей, военачальников, о государственных постановлениях и т. п.

[16] См. статью Малыхина «Кольцов и его неизданные стихотворения». — «Отечественные записки», 1867, т. 170, с. 495—515, 810—834.

Цензура не разрешила предназначенную для «Женского вестника» статью Александрова «Скользкий путь новых романистов». В ней отразилось отношение редакции к литературе отрицания, к роману Чернышевского «Что делать?». Александров останавливался на общественной роли сатиры, на ее задачах: «сатира <...> разбивает прежние начала, разрушает прежнее бытие, негодное дело»; «это первый звук протеста, это только сознание уродливых положений, начало спасения; но сатира не указывает что делать и как быть. Сатира — это предчувствие мысли, повод к ее движению, к ее развитию, в ней сказывается только побуждение, сказывается слабо, инстинктивно» [17].

По мнению Александрова, писатель обязан не только показывать несостоятельность старых, отживших основ, но и наметить путь движения к будущему, ответить на вопрос «что делать?», к какой цели необходимо стремиться: «Уничтожить последнее убежище ложно-негодного можно только посредством указания новых основ, указания настоящих положений, и дело романиста <...> выследить в жизни развитие новых основ, а не ограничиваться только применением их к старым обветшавшим формам» [18].

Излагая содержание статьи Александрова и цитируя ее, цензор отмечал, что поиски новых основ Александров связывает с романом Чернышевского: «В первый раз «негодность прежних основ обнаружена, что делать указано» в романе Чернышевского «Что делать?» Это произведение есть уже не сатира, но действительный современный роман. «Нам нужно было», говорит автор статьи, «указать причины, вследствие которых Вера Павловна (героиня романа Чернышевского «Что делать?») становится независимою, освобождается от деспотизма отца, матери, от неудачного соединения своей жизни с другим человеком; и негодность прежних основ, при которых Вера Павловна не могла бы сделать ни того, ни другого, ни третьего, и была бы рабой отца, матери, мужа, общества, общественного мнения и тому подобных сознанных нами уже уродливых проявлений, обнаружилась как нельзя лучше и выход из нее найден, что делать указано. Вне же этого мы принуждены торчать только на прежних подмостках, продолжать заниматься вопросами «Кто виноват?» и т. д., сознавая в душе, что никто не виноват, а решения вопроса надо искать где-нибудь и как-нибудь другим образом» [19].

Александров считает особой заслугой Чернышевского то, что в романе указывается социальный путь решения всех про-

---

[17] ЦГИАЛ, ф. 776 (Главное управление по делам печати), оп. 3, 1866, № 405, л. 179—179 об. В дальнейшем: № 405.

[18] Там же, л. 180.

[19] Там же, л. 180 об. — 181.

блем, в том числе и семейной. «Что делать?» истолковывается, в первую очередь, как книга о несостоятельности старых экономических основ, о необходимости замены их новыми. С этой точки зрения Александров критикует роман Лео, находя напрасным то, что автор «при разрешении различных общественных вопросов не довольствуется развитием новых экономических основ жизни», «не удовлетворяется одним развитием экономических условий вопроса труда, а основывает свои доводы на каких-то ужасах безбрачной жизни, и чрез это свой протест не обращает в самую жизнь»[20]. Рассуждения Александрова о главенствующей роли экономики несколько прямолинейны. В какой-то степени в них звучит недооценка политической борьбы, уверенность, что развитие новых экономических основ само собою приведет к решению всех общественных вопросов. Тем не менее общая тональность статьи, ее идеи выдержаны в русле традиций, непосредственно связанных с романом «Что делать?».

Наиболее полно отношение редакции «Женского вестника» к революционно-демократической традиции в литературе и журналистике выражено в статьях Благовещенского «Наша современная журналистика» (1867, № 9, 1868, № 1). Начало расцвета журналистики Благовещенский относит к периоду деятельности Белинского: «Смелее, чем когда-нибудь, говорили Белинский и его друзья около 1847 года, каждый нумер журнала поднимал в то время новые вопросы, бросал в общество новые идеи» (№ 1, с. 1). Затем, после смерти Белинского, с наступлением реакции, журналистика, по словам Благовещенского, приходит в упадок: «Уже в начале 1849 года в журналах нельзя было просмотреть двух страниц без зевоты» (№ 1, с. 1—2). Новый подъем наступает с появлением в журналистике Чернышевского и его единомышленников: в 1856 году литература «делается и талантливою, и мыслящею, и громко заявляет обществу, что она думает о деятельности Белинского, об «отношении искусства к действительности», о помещичьем быте, об улучшении крестьян и существующих в обществе экономических отношениях» (№ 1, с. 2). Хотя автора статей, в которых решаются названные проблемы, Благовещенский не называет, демократический читатель, конечно, хорошо понимал, что речь идет о Чернышевском.

В годы революционного подъема литература и журналистика, по Благовещенскому, играли серьезную роль, откликаясь на все вопросы, волновавшие общество. Затем вновь начинается упадок, литература порывает с передовыми идеями, публицисты «вместо того, чтобы придумывать средства к устранению или облегчению разных общественных недугов, — напротив, стремятся примирить с ними общество, научить его игнорировать

[20] № 405, л. 183.

эти недуги и относиться к ним спокойно, как к неизбежному злу»; они говорят, что «недовольство — вещь опасная: надо всему покоряться и все терпеть, потому что все делается к лучшему и для нашего же блага»; если рассказывают о чем-нибудь невеселом, то нельзя этому верить, «это все наговаривают вам недоучки, которые бог знает чего хотят» (№ 9, с. 3).

Писатели, по словам Благовещенского, обратились к «чистому искусству», со стороны можно подумать, «что в нашем ликующем обществе нет более ни болезней, ни печали, ни воздыхания, — все всем бесконечно довольны и в блаженном созерцании своего счастья ищут в литературе только эстетических услаждений и разрешения высших заоблачных вопросов» (№ 9, с. 3). Поэты призывают грести против течения[21], «а други слушают и гребут; даже уж и пригребли, потому что дальше этого гресть уж некуда» (№ 9, с. 7).

Новое журнально-литературное направление, разгром революционно-демократических сил Благовещенский прямо связывает с правительственными репрессиями. В то же время он верит, что засилие реакции не вечно, что рано или поздно наступит новый подъем: «Действительно, был ветер, и сильный ветер, который сломал и вырвал дубы и оставил только гнувшиеся и припавшие к земле тростиночки <...> Но из этого еще не следует, что ветер когда-нибудь не переменится» (№ 9, с. 14).

Залог будущего общественно-литературного возрождения Благовещенский, в частности, усматривает в переходе «Отечественных записок» в руки новой редакции: «Этот факт веселый, очень отрадный» (№ 1, с. 3). Цензура обратила внимание на приведенные выше рассуждения. Главное управление предложило поставить на вид пропустившему их цензору[22].

Редакция «Женского вестника» неоднократно обращается к творчеству Шевченко. Такое обращение диктовалось и отношением к революционно-демократической литературной традиции, и интересом к проблеме народности. Последняя затрагивалась в журнале довольно часто и решалась в духе демократической традиции (см., например, отзыв об исследовании В. Стасова о русских былинах, помещенном в «Вестнике Европы»)[23].

С подобных позиций оценивает автор «Библиографического обозрения» (№ 7) и творчество Шевченко, отмечая, что «истинная же поэзия существовала большей частью в народе, это

---

[21] Речь идет о стихотворении А. К. Толстого «Против течения», направленном против революционных демократов.

[22] № 405, л. 172, 174.

[23] Речь идет о начале статьи В. Стасова «Происхождение русских былин» («Вестник Европы», 1868, кн. 1). Отзыв содержится в статье «Наша современная журналистика» (1868, № 1, с. 17).

по преимуществу его достояние» (с. 53), а «Кобзарь» Шевченко — выражение такой поэзии. Александров указывает, что в его обозрении речь идет лишь об издании «Кобзаря» Кожанчиковым, что о Шевченко, о «Кобзаре» не хочется говорить бегло, в нескольких словах. Но уже здесь упоминается о правдивом, ясном взгляде украинского поэта на окружающий мир, о прозорливости Шевченко. О последней, по Александрову, свидетельствует, в частности, строки, которые, хотя написаны и давно, прекрасно характеризуют современную обстановку:

«И день иде, и нич иде,
И, голову схопивши в руки,
Дивуешся — чему не йде
Апостол правды и науки!?»

Этими словами Шевченко заканчивает Александров свое обозрение, давая как бы от имени редакции обещание поговорить позднее о творчестве Шевченко подробнее.

Он выполняет свое обещание в следующем номере (№ 8), опубликовав статью «Недомолвки о народном поэте». Уже само название ее свидетельствовало о высокой оценке творчества Шевченко. Александров с сожалением отмечает, что о Шевченко сказано очень мало; за последние годы опубликован лишь один серьезный обзор творчества Шевченко — статья Д. Л. Мордовцева в «Русском слове»[24]. Александров же считает, что Шевченко заслуживает того, чтобы всё, касающееся его жизни и поэтической деятельности было разыскано, собрано, издано, «ибо в нашей литературе мало еще таких имен, как имя Шевченко» (с. 5). Сравнивая Кольцова и Шевченко, Александров называет их народными поэтами. Он не согласен с теми, кто отрицает народность Кольцова[25]. Знаменательно и само убеждение Александрова в народности Кольцова, и то что это убеждение обосновывается авторитетом Белинского (с. 9).

В то же время, сравнивая Кольцова и Шевченко, Александров говорит о бо́льшей силе и значении творчества украинского поэта: «Кольцова муза не имеет только той силы, как Шевченка, — она слабее гораздо» (с. 9). Силу Шевченко Александров связывает со свободолюбивыми традициями украинского народа, с его национально-освободительной борьбой, с его историей; это народ, «который знал не одну любовь, горе да нужду, но чувствовал когда-то свободу, боролся и во имя ее; и боролся не по наущению только панов, а отстаивал свою хату, свою семью и свои человеческие права» (с. 10).

---

[24] «Кобзарь» Тараса Шевченко. — «Русское слово», 1860, № 6.

[25] Подразумевается статья Н. И. Костомарова «Воспоминание о двух малярах» («Основа», 1861, № 4).

Русский же народ, по мнению Александрова, преимущественно говорит в своих песнях о том, «что давит его внутри — голь его, нужда безысходная, барщина, заевшая дочиста» (с. 10). Фольклор русского народа рассматривается с точки зрения отражения в нем тяжелой судьбы народа. Такое отношение к фольклору можно наблюдать у Радищева (песня ямщика в «Путешествии из Петербурга в Москву»), у Белинского (его статьи о народной поэзии).

Александров сближает творчество Шевченко и Некрасова; он даже отдает предпочтение Шевченко, когда речь идет об образах людей из народа, которые, по словам Александрова, у Некрасова «не так живы, не так полны» (с. 11). Такая оценка отнюдь не значила отрицательного отношения к образам простых людей в поэзии Некрасова. В статье говорится о близости Некрасова к народной музе, о том, что эта близость с особенной силой сказалась в «Песне убогого странника» из «Коробейников». Любопытно, что Александров обращается к той же песне, которую использовал Чернышевский для характеристики темноты и пассивности русского народа на определенном этапе его развития, для обоснования необходимости избавления от этой пассивности[26].

В статье утверждается, что Шевченко, как и Некрасов, поэт общерусский, национальный, с огромным дарованием; его творчество нельзя ограничить рамками чтения для простого народа; он мог с такой же силой изображать и не низшие слои. Как пример, свидетельствующий о верности такого утверждения, Александров приводит поэму Шевченко «Сон», в которой дается сокрушающая критика основ самодержавной России и которая послужила основной причиной десятилетней ссылки поэта.

В «Библиографическом обозрении» № 7 с похвалой упоминается о «Подлиповцах» Решетникова, о «Записках охотника» А. А. Черкасова. Сообщается, что «Записки охотника» должны были печататься в «Современнике», а после закрытия его, при содействии Некрасова, изданы отдельной книгой.

Из зарубежных писателей особенно высоко оценивается Жорж Занд. Редакцию привлекает и борьба Занд за женское равноправие, и ее критика современного общественного устройства, и отношение к идеям утопического социализма. В статье «Английские романисты» (№ 2), с похвалой говоря о Теккерее и Диккенсе, Чуйко заявляет: «Конечно, Жорж Занд выше Диккенса; она выше тем, что дает нам полную широкую историю страсти; она выше еще и тем, что ни один из великих интересов человечества не чужд ей, что она умеет относиться к нему и симпатично и умно, что она отрешилась и от официальной

---

[26] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. М., 1939—1953, т. VII, с. 874.

морали и от официальных точек зрения» (с. 36). Антиофициальность Занд, оппозиционность писательницы основам существующего порядка, сочувствие ее «великим интересам человечества» (т. е. идеям утопического социализма) определяют высокую, даже чрезмерно высокую, оценку творчества французской писательницы в «Женском вестнике».

В «Современном обозрении» № 3, в отделе «Критика и библиография», Е. Конради анализирует недавно напечатанный в «Revue des deux Mondes» роман Занд «Последняя любовь». Многое в нем не нравится Конради. Ее не связывает авторитет Занд. Последняя оправдывает своего героя, человека порядочного, не любящего жену, знающего об ее изменах, но снисходительно прощающего ее. Симпатии Занд на стороне мужа, она считает, что лучшее наказание за измену — дружба и снисходительность. Такой подход должен был шокировать буржуазного читателя. Но, по мнению Конради, он слишком ограничен. Симпатии рецензента «Женского вестника» скорее на стороне героини, которая честнее, естественнее мужа, способна на живое, горячее чувство, изменяет в силу сложившихся обстоятельств.

Конради считает, что в самом замысле романа Занд много ложного, ошибочного. Но общее, чрезвычайно положительное, отношение к творчеству Занд не меняется. Утверждается, что «роман», «несмотря на фальшь и бедность идеи, положенной <...> в его основание», приводит к многим весьма ценным заключениям; «громадный художественный талант автора, в связи с его природною добросовестностью, явился на выручку и заставил его, без его ведома, доказать иную, более широкую и лучшую мысль, чем та, которую он сознательно имел в виду» (с. 31).

По убеждению Конради, роман Занд никоим образом не подрывает уверенности в том, что она — писательница «несомненной гениальности, которая еще в рассматриваемом нами произведении дала доказательство своей тонкой наблюдательности и умения охватывать жизнь во всей ее ширине» (с. 31).

Конради критикует Занд как своего единомышленника, осуждая ее не за «крайности», как обычно делали противники французской писательницы, а за ее относительную умеренность, за отсутствие радикальных выводов. Это была критика слева, сочетавшаяся с похвалой всему, что определялось верностью жизненной правде, критическим отношением к существующему общественному порядку. В то же время Конради мечтает о другой героине, перешедшей «за этот период хаотического брожения темных сил и несложившихся идей», не жертве, а борце и победителе, хотя и сознает, что «такой роман и такая развязка» пока вряд ли возможны (с. 44).

Чрезвычайно высоко оценивается в «Женском вестнике» творчество Томаса Гуда, его «Песня о рубашке». В статье

Ткачева «Влияние экономического прогресса на положение женщины и семьи» стихотворение Гуда приводится как лучшая иллюстрация эксплуатации женского труда, оказывающая на читателя неизмеримо более сильное воздействие, чем любые статистические цифры, никогда не способные «произвести того потрясающего эффекта, который производит на нас поэтический образ, нарисованный сильною и могучею рукою человека, глубоко любящего человечество и искренне сочувствующего его бедствиям и страданиям» (№ 2, с. 69).

Ткачев называет «Песню о рубашке» «несравненной», говорит о всенародной популярности ее, о широкой известности в русских демократических кругах: «Кто из читателей не знает наизусть или, по крайней мере, не читал этих пламенных стихов, дышащих такою неподдельною, искреннею скорбию, таким трогательным красноречием и таким безысходным отчаянием, что невольно вызывают слезы на глаза даже самого черствого и холодного человека» (№ 2, с. 69).

Весьма правдоподобно утверждение М. Л. Семановой, что в цикле «Повести петербургской жизни», там, где речь идет о девушках-швеях, содержится намек на «Песню о рубашке», на ее русского переводчика М. Л. Михайлова[27].

Итак, литературно-критические отзывы, помещенные в «Женском вестнике», самым непосредственным образом гармонировали с общим демократическим направлением журнала. То же можно сказать и о «словесности» «Женского вестника». Она занимала довольно много места, хотя ее значение не было первостепенным. «Словесность» издания Мессарош целиком подчинена задачам гражданского воспитания читателей. Она пропагандировала передовые общественные идеи, но была в какой-то степени слишком прямолинейна и дидактична, что сказывалось и на ее художественности.

Названные особенности заметны уже в стихотворениях «Женского вестника». В журнале печатались, главным образом, произведения второстепенных поэтов демократического лагеря, с подчеркнуто-тенденциозным гражданским направлением. Многие стихотворения были ориентированы на «женский вопрос», хотя, как и материалы других отделов, выходили за его рамки. Как пример, можно привести стихотворение А. К. Шеллер-Михайлова «Помню я жизнь прожитую, далекую», помещенное в № 1. Герой его вспоминает о любимой девушке, погибшей в борьбе с суровой нуждой. Те же мотивы в различном оформлении звучат в стихотворениях Н. А. Вормса «Сосны зеленые темной вершиною» (№ 2), «Над могилой друга» (№ 3), «Вот она в гробу дощатом» (№ 5). Последнее вызвало придирки

---

[27] М. Л. Семанова. Хроника общественной жизни в «Женском вестнике». Лит. наследство, т. 71, М., 1963, с. 215.

цензуры[28]. Героиня его, «жертва жизни беспощадной, непосильного труда», противопоставлена толпе, «сытой, праздной и тупой», виновной в гибели женщины-работницы «в сыром подвале, на соломе нищеты» (с. 32).

С темой тяжелой женской судьбы связано и стихотворение А. Л. Боровиковского «Из украинских мотивов», близкое фольклорным традициям (№ 7).

Очень часто в стихотворениях, опубликованных в журнале, звучат призывы к борьбе за лучшее будущее, к разрыву со своей средой, к самостоятельному труду. Так, например, автор стихотворения «Скрытой болью горит» (№ 2) обращается к его героине со следующими словами:

Брось ты эту среду,
С нею связи порви,
Обратися к труду,
Полной жизнью живи (с. 85).

Тема борьбы за лучшее будущее слышится и в стихотворении «Моя голубка, кроткая душой» (№ 4). Герой с любимой смело идут по жизненной дороге, зная, что она нелегка и сулит им лишь борьбу:

Обманом грез отрадных
Не украшал я даль судьбы грядущей;
Ты знаешь, впереди нас ждет вражда
С людскою злобой и нуждой гнетущей...
Не молим мы пощады у судьбы,
Свой крест несем и без боязни любим.
В нас силы есть для жизни и борьбы
И этих сил мы даром не загубим (с. 138).

К борьбе, к свободному труду стремится и героиня стихотворения Вормса «Над могилой друга» (№ 3):

Ты так верила в лучшую жизнь
И в могучую силу труда,
И борьба не страшила тебя,
Крепких сил не сломила нужда.
Ты рвалась всей душою туда,
Где все полною жизнью живет,
Где кипит столько сил молодых,
Где нас радость и счастие ждет (с. 34).

Нередко стихотворения, помещаемые в «Женском вестнике», превращаются в своего рода небольшие трактаты о положении женщины, о необходимости женского равноправия и т. п. Как пример можно привести стихотворение Пальмина «Женщине» (№ 9). В сущности, это не поэзия, а стихотворное рассуждение о том, как в разное время, в разных странах женщину возво-

[28] № 405, л. 135.

дили на пьедестал, но она оставалась рабой. Поэт призывает отказаться от преклонения, унижающего женщину, сделать ее действительно равноправной, предоставить ей возможность трудиться.

Женская тема вне подчеркнуто-гражданского оформления ее в журнале почти не затрагивалась. К стихотворениям о женщине, в которых не акцентируется общественное содержание, можно в какой-то степени отнести перевод Д. Л. Михаловского «Из Томаса Гуда» («В холодных могилах умершие спят»), но здесь редакцию, видимо, привлекало само имя Гуда, столь высоко ценившегося за его «Песню о рубашке». Чисто любовная лирика в «Женском вестнике» вообще встречается редко и, как правило, не связана непосредственно с женской тематикой. Лица журнала такая лирика не определяла. Многие стихотворения «Женского вестника» являлись, в сущности, изложением идей демократического лагеря по «женскому вопросу», часто изложением несколько прямолинейным и свидетельствовавшим не столько о талантливости поэтов, художественной полноценности их произведений, сколько о прогрессивности мировоззрения. Редакция, в первую очередь, заботится не о художественности, а о соответствии помещаемых стихотворений общему направлению журнала. И надо сказать, что подобное отношение иногда встречалось и в других изданиях демократического лагеря, в частности, в «Искре».

Как и в остальных материалах журнала, в поэтической его части «женский вопрос» не являлся чем-то изолированным, оторванным от всей системы социально-общественной проблематики. Нередко речь шла не о тяжелой судьбе, гибели, борьбе именно женщины, а о жизни бедняка-разночинца вообще. Да и «женский вопрос» рассматривался как производный от более общего, социального. Социальная противопоставленность бедняка-героя сытым, богатым определяет содержание стихотворений «О, счастливцы» (№ 1), «Вечерние впечатления» (№ 6), «Памяти приятеля» (№ 7) и др. Второе из них, предназначенное для № 3, было задержано цензурой. Председатель петербургского цензурного комитета писал, что оно «представляет гнусную картину нашего общества, в котором авторитеты <...> являются людьми безнравственными, мнимо-гуманными»[29].

В стихотворениях «Женского вестника» идет речь о необходимости борьбы, бескомпромиссного сражения за светлые демократические идеалы. Такие стихотворения нередко выдержаны в бодрой оптимистической тональности. Так, герой стихотворения «Страстей болезненных остыл во мне порыв» (№ 3) не хочет покоряться «тоске бездействия напрасной». Он зовет к общественному служению, к активным действиям:

---

[29] № 405, л. 145.

Вперед! За шагом шаг вперед,
Насущный труд свершая смело!
Нам жизнь дана не для забот
О том, что нас заутро ждет,
Но для того, чтоб делать дело! (с. 106).

Бодрые, жизнеутверждающие мотивы звучат и в стихотворении Омулевского «К молодому поколению» (№ 9). Замечательно, что это название перекликается с названием известной прокламации начала 1860-х гг. Такая перекличка, вероятно, не случайна. Омулевский как бы призывает продолжить дело, за которое погиб М. Л. Михайлов. Он обращается к молодому поколению, говоря ему о необходимости сражаться за счастье родины, за осуществление светлых идеалов.

Иногда тема борьбы за свободу родины решается на материале освободительного движения других народов, например, греческого (стихотворение «Пусть будет вновь покорена», № 5).

Оптимистические мотивы, хотя они и звучали иногда, в целом для поэзии «Женского вестника» не были характерными. Общественная обстановка периода наступления реакции не слишком способствовала сохранению бодрого настроения. Даже в тех стихотворениях, в которых призывается к бескомпромиссной борьбе, о победе почти никогда не говорится, особенно о близкой победе. Так, в стихотворении «К молодому поколению» поэт, веря в конечное счастливое будущее человечества, не надеется, что молодежь, которую он призывает к действию, доживет до этого будущего:

Еще далека та страна,
Где протекают реки медом;
Не вдруг познается она
Идущим издали народом;
Не всем дано в ней отдохнуть,
Кончая подвиг жизни бранной...
Но хорошо окончить путь
В виду земли обетованной (№ 9, с. 138).

В аналогичном тоне выдержано стихотворение «Страстей болезненных остыл во мне порыв» (№ 3). Герой его, зовя окружающих к борьбе, не верит в близкую «возрождения зарю», не знает, «что нас заутро ждет» (с. 106).

Грустные мотивы, порожденные ощущением атмосферы реакции, вообще являются для поэзии «Женского вестника» преобладающими. Многие стихотворения посвящены памяти погибших, не выдержавших жизненных невзгод, сломленных нуждою:«Над могилой друга» (№ 3), «Вот она в гробу дощатом» (№ 5), «Памяти приятеля» (№ 7) и др. Рефлексия, недовольство окружающим, ощущение бесперспективности, отсутствия ясных путей — характерная особенность таких стихотворений. Но главная сущность их заключалась в бескомпромис-

сном неприятии эпохи, в нежелании примириться с ней, довольствоваться тем, что есть. Подобные настроения были присущи демократической мысли эпохи безвременья, людям, мучительно переживающим это безвременье, не утратившим прежних идеалов, но не видевшим реальных путей претворения таких идеалов в жизнь.

Иногда стихотворения, выражающие мотивы грусти, недовольства, оформлены в виде переводов, переделок, при этом автор, из которого сделан перевод, нередко не указывается, и не всегда можно определить, идет ли речь о подлинном переводе или об оригинальном произведении. Да и в случае настоящих переводов, они целиком ориентированы на русскую действительность. Конечно, не о заграничной жизни говорится в стихотворении Михайлова «С итальянского» (№ 4), начинающемся словами:

Тяжелые года переживая,
И лучших дней не видя впереди,
Иду я в путь. И страстью кровь живая
Не закипает в сдавленной груди (с. 43).

В подобном же духе выдержано стихотворение Вормса «С чешского» (№ 7), проникнутое ощущением бессилия, уходящей молодости, уменьшения решимости бороться со злом. И по существу не важно, на самом ли деле здесь перевод или слова: «с...» — лишь прием, служащий отчасти цензурным прикрытием.

Враждебность к окружающему, мучительное ощущение смрадной атмосферы реакции, ренегатства, духовного падения заметны и в ряде стихотворений, помещенных без такого прикрытия, например, в стихотворении Михайлова «В сердце злобная желчь разливается» (№ 8):

В сердце злобная желчь разливается,
Словно в омуте смрадном живешь,
Где, как тина, растет, заплетается
Бесконечная наглая ложь (с. 58).

Мотивы сомнения, безвыходности, разочарования определяют тональность цикла «Из посмертных стихотворений Ив. Рончевского» (№ 4):

И уж летает грозно надо мной
Могучий дух холодного сомненья
И шепчет мне: бесплодны и пусты
Твои надежды, слезы и мечты!
Истратится и злоба и любовь,
И опадут твои позорно крылья,
И охладеет молодая кровь.
Тогда в сознаньи своего бессилья,
Ты станешь ползать мелким червяком,
Каких немало ползает кругом (с. 94) [30].

---

[30] И. Рончевский печатался и в «Современнике» (1860, №№ 10, 11).

Все подобные стихотворения соответствовали общему направлению журнала, тем тенденциям, которые были свойственны демократической мысли рассматриваемого времени.

Несколько особняком стояли стихотворения Я. П. Полонского, печатавшиеся в первых номерах «Женского вестника». В № 1 опубликованы его «Стансы», в № 3 — «Муза», № 2 открывается поэмой Полонского «Братья» (главы 1—2). Последняя, возможно, привлекала редакцию тенденциями, перекликавшимися с тональностью тургеневского «Помещика», с традициями натуральной школы. Известно, что Полонский в какой-то степени близок ряду лиц, сотрудничавших в «Женском вестнике», хотя он и не был их единомышленником (Конради, П. Л. Лавров и др.) [31]. Да и вообще договоренность о сотрудничестве Полонского достигнута до того, как «Женский вестник» начал выходить и его направление определилось. Характерно, что после № 3 Полонский более не печатался в «Женском вестнике».

С общим направлением «Женского вестника» связана и его проза. Прозаических произведений в основном тексте журнала опубликовано не так уж много (пятнадцать романов, повестей, рассказов, сцен). Некоторые из этих произведений были довольно велики по своему объему, печатались в нескольких номерах («В чаду глубоких соображений», «Добрые намерения» и др.). В основном тексте журнала, за исключением начала романа Фредерики Бремер «Герта» (1868, № 1), помещалась только оригинальная проза. Переводы выносились в «приложение».

Среди прозаиков «Женского вестника» и по значению и по количеству произведений необходимо отметить прежде всего Г. И. Успенского. В №№ 1 и 2 опубликован отрывок из его «Нравов Растеряевой улицы» («Медик и пациенты»), в № 3 — очерки «Современная глушь», наполовину запрещенные цензурой [32], в № 7 — картины столичных нравов «По черной лестнице». В отрывках «Нравов Растеряевой улицы» помещены эпизоды, в которых идет речь о Хрипушине и семействе Претерпеевых. Таким образом материал вводился в русло «женского вопроса». Однако значение «Нравов...» даже в том объеме, в каком они печатались в «Женском вестнике», неизмеримо шире этого вопроса. Успенский показывает, как калечит человека система общественных отношений. История семейства Претерпеевых — лишь частное проявление того душегубства, которое характерно для растеряевского уклада вообще и которое не изменилось, по мысли Успенского, после отмены крепостного

---

[31] Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки, с. 371—373. Продолжение «Братьев» печаталось позднее в «Русском вестнике» и «Вестнике Европы».

[32] ЦГИАЛ, ф. 777 (Петербургский цензурный комитет), оп. 27, 1866, № 53, л. 549.

права. Знаменательно, что, помещая отрывки из «Нравов Растеряевой улицы», редакция «Женского вестника» прямо продолжает традиции «Современника». Ведь первые четыре главы «Нравов...» были опубликованы в некрасовском журнале перед самым запрещением его (1866, №№ 2, 3). Появление «Медика и пациентов» в первых номерах «Женского вестника» — непосредственное продолжение публикаций «Современника».

С проблематикой женского журнала, особо интересующегося вопросами воспитания, связан внешне интерес редакции к психологическому очерку Помяловского «Данилушка», напечатанному в № 3. Но дело шло не только об установке на женщин-читательниц. Проблемы воспитания, формирования человеческой личности, влияния среды, обстоятельств жизни интересовали писателей-демократов и вне зависимости от женской тематики. Эти проблемы осмысливались не столько в педагогико-психологическом, сколько в социальном плане.

В № 1 «Женского вестника» опубликована повесть Благовещенского «Письма мизантропа». Она написана от лица знакомого автора, человека не злого, не глупого, но странного, желчного и раздражительного. Благовещенский якобы лишь издает посмертно письма своего приятеля, сопровождая их собственным вступлением. Здесь он дает характеристику автора писем, сообщая, что он принадлежит к новому типу людей, появившемуся в последнее время. Благовещенский сравнивает этот тип с «лишними людьми» и одновременно противопоставляет его им. «Лишние люди», Печорин, Чацкий, Рудин, по Благовещенскому, иногда не прочь порисоваться своей желчью и разочарованием. Многое говорится и делается ими ради внешнего эффекта. Люди нового типа, по мнению Благовещенского, тоже разочарованы, но они стремятся глубоко спрятать свою боль и разочарование, почти ни с кем не делятся горестями. Эти люди никак не могут войти в колею окружающей жизни, примириться с нею, с современным порядком. Автор писем вовсе не человеконенавистник; «напротив, он составил себе слишком широкий идеал человека и человеческого счастья и злился только на то, что не мог найти и устроить его. Он много и настойчиво трудился во имя этого идеала и счастья и только под конец жизни убедился, что оно неосуществимо в настоящее время и примириться с этим не мог» (с. 154). Благовещенский считает, что подобных героев в последнее время становится все больше, следовательно в жизни есть такие явления, которые их рождают.

Уже во вступлении указывается на связь героя-рассказчика с революционно-демократическими идеалами, с верой в счастье людей. Вся предыдущая жизнь «мизантропа» подчинена служению этим идеалам, стремлению лучше устроить жизнь человека. Окончив университет, он много путешествовал по России для изучения фауны и флоры, «но в сущности дела его занимала

не флора» (с. 154). Итак, герой — новый человек, занимающийся какой-то деятельностью, возможно, нелегальной, имеющей целью изменение общественного порядка. Это — один из тех людей, появление которых в литературе связано с традициями романа Чернышевского «Что делать?»

Но время наложило на героя свою печать, превратило его в «мизантропа». Автор писем — новый человек, живущий в эпоху торжествующей реакции, ощутивший невозможность близкого воплощения его идеалов в жизнь. Именно последним определяется «мизантропия» героя, его пессимизм и, в конечном итоге, гибель. Примириться с действительностью он не может и не хочет, коренное отрицание окружающего общественного порядка остается его существеннейшей чертой, но реальных путей борьбы, изменения уклада, не удовлетворяющего его, герой не видит. Отсюда ощущение одиночества, надломленности. «Мизантроп» чувствует в себе «ненасытную жажду жизни и счастья», но сознает, что эта жажда неутолима, «что не вернется то благодатное время веры в счастье, которое одно дает нам право на наслаждение» (с. 156).

В повести затрагивается вопрос о праве человека на счастье, один из наиболее важных и наиболее дискуссионных вопросов, обсуждавшихся в русской литературе 1860-х гг. Утверждение права на счастье было связано с идеями утопического социализма, с восприятием «теории страстей» Фурье, с «разумным эгоизмом» Чернышевского, с рассуждениями Щедрина в очерке «Как кому угодно», в «Нашей общественной жизни» и т. п. Герой «Писем мизантропа» тоже утверждает это право, но он говорит о неосуществимости его в условиях России эпохи реакции, и именно на последнем делает упор. Наблюдая жизнь провинциальных обывателей, кажущуюся ему дикой, далекой от всяких разумных оснований, так непохожей на счастливое будущее его мечты, герой не может заставить себя «смотреть равнодушно на всякое идиотство и безобразие человечества», но он досадует на свои эмоции, считая, что все возмущающие его явления «так просто и так естественно вытекают из известных начал» (с. 156, 157).

Иллюстрацией к подобным размышлениям служит рассказ «мизантропа» о воспитаннице генеральши Ручиной, Саше. Окружающие условия исковеркали ее, сделали глупой, лживой, безнравственной. Благовещенский как бы повторяет ситуацию «Воспитанницы» Островского. Но у последнего Надя приподнята, несколько героизирована. От нее тянутся нити к Катерине «Грозы». Надя в какой-то степени бросает вызов «темному царству», у нее все же есть выход, пусть в виде пруда, если жизнь станет очень уж невыносимой. С Сашей все оказывается гораздо проще, прозаичней и в то же время пессимистичней. Ее любовная история пошла и неопрятна. Брошенная, видимо, своим лю-

бовником, Саша возвращается домой, генеральша выдает ее замуж за чиновника, за которого прочила ее раньше; тот берет Сашу «как есть», «впридачу к земле, пожалованной ему генеральшей в виде приданного»: Саша, и прежде не блиставшая умом, «совсем отупела», «муж ее бьет <...> И этому удивляться совсем не следует и вздыхать попусту не стоит... Так и быть должно при таком порядке вещей» (с. 188).

Сломанным «порядком вещей» оказывается и племянник Ручиной, Хоменко, женившийся на старшей сестре Саши, Лизе. Он некогда был полон веры в жизнь, в нем вечно кипели возвышенные и благородные чувства. Он женился, несмотря на недовольство генеральши. Казалось, что и Хоменко и Лиза не покорятся, что от них можно ждать только хорошего. Но и их согнула жизнь, в его письмах Ручиной сквозит рабская приниженность, желание «подслужиться»: «Вероятно, вышел ты — мыльный пузырь, как и все тебе подобные юноши, не испытавшие никогда никакой нужды и изучающие жизнь только по книгам и модным теориям» (с. 158); «все честные планы к чорту пошли» (с. 159).

Рассказывая мимоходом об эволюции Хоменко, Благовещенский затрагивает вопрос о несостоятельности в тяжелой обстановке реакции многих прекраснодушных идеалов, о несерьезности «вольнодумства» вчерашних «либералов» и «радикалов», превращающихся сегодня в благонамеренных обывателей. Речь шла о том же процессе, который отражен в словах Щедрина о «нигилистах» и «титулярных советниках». Не случайно, оценивая Хоменко, Благовещенский употребляет слова «мыльный пузырь», которые неоднократно приводились в демократической печати для характеристики подобной ситуации [33].

Проблематика повести Благовещенского, внешне отвечая задачам содержания женского журнала (плоды дурного воспитания), по существу посвящена одному из основных вопросов, ставившихся в литературе демократического лагеря (обусловленность героя социальной средой). В период революционного подъема упор делался на то, что человек не виновен, что он изменится с изменением «порядка вещей». При этом предполагалось, что уничтожение старого порядка — дело не столь уж трудное или, во всяком случае, возможное в ближайшее время. В нереволюционной обстановке акцент меняется. На первый план выступает трагизм безвыходности. Отсюда «мизантропия» и авторов и их героев. Не случайно история Саши озаглавлена «Дряхлость и слабость», а эпиграфом к ней приведены строки Шевченко, звучащие грустно и мрачно: «Думы мои, думы мои, тяжело мне с вами» (с. 155).

---

[33] См. Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 209, Тарту, 1968, с. 355.

Повесть Благовещенского ориентирована на правдивое, неприукрашенное изображение действительности. Именно о подобных произведениях генеральша Ручина говорит, что она их не любит: «Всё там одна грязь да пороки; особенно эти новые романы, говорят, все такие безнравственные...» (с. 179). Эту характеристику можно бы было отнести и к повести самого Благовещенского и ко всей оригинальной прозе «Женского вестника».

К обрисовке героя, сломленного обстоятельствами жизни, обращается и Бажин в повести «Добрые намерения» (№№ 5—7). Само название ее звучит саркастически и как бы перекликается со словами Некрасова: «Суждены вам благие порывы, но свершить ничего не дано»[34]. Полон добрых намерений главный герой повести, учитель Боровиков. Это незаурядный и умный человек, бывший когда-то чистым и хорошим. Но добрые намерения Боровикова безвременно погибли. Он сам ощущает, что его жизнь становится похожей на озеро стоячей воды, лишенное свежих притоков, покрытое плесенью и тиной, что он живет как будто в тюрьме: «Это была душная атмосфера тюрьмы, лишенная чистого воздуха» (№ 5, с. 115). Сознание, что надежды не сбылись, что силы напрасно потрачены, ожесточает Боровикова, делает его желчным и резким. Пьянство героя, его любовные истории — несостоятельные попытки забыться, выйти хоть на миг из удушающе-затхлой атмосферы.

Разочарованными, подавленными, не удовлетворенными собой и окружающими, изображены и другие герои повести. Почти все они сравнительно молоды, им менее 30 лет, но ощущают они себя стариками. «Я мальчик, — говорит один из персонажей, учитель Сборов, — но очень старый мальчик: мне двадцать шесть лет всего только, а через год, или много два, я уже довершу свое земное странствие» (№ 5, с. 132—133). Не случайно в повести неоднократно возникает вопрос о смерти, самоубийстве. Погиб в корпусе брат девушки, которую любит Боровиков. Последний боится, что Маша, брошенная им, покончит с собой. В беседке, в которой встречаются Боровиков и Сборов, произошло самоубийство Ковальского. Боровиков, Сборов и Варя рассуждают о том, допустимо ли самоубийство. Варя говорит: «Жить лучше, чем умереть <...> впрочем, если кто-нибудь решается, то, вероятно, ему кажется, что умереть лучше, чем жить» (№ 5, с. 135).

Через всю повесть проходит тема неосуществленных намерений, неудавшихся жизней, человеческих судеб, искалеченных средой. Боровиков рассуждает об этом так: «Пьянствовать вредно, и человек не должен пьянствовать, но он все-таки сделается пьяницей, потому — что обстоятельства приведут его к

---

[34] Строки из стихотворения Некрасова «Рыцарь на час».

этому. Человек должен быть честен и хочет быть таков, но обстоятельства заставят его не быть честным» (№ 5, с. 135).

Все отчетливее ощущают герои усталость, разочарование, неуверенность в себе. Жизнь оказывается совершенно непохожей на те возвышенные принципы, которые выработались у них в молодости. Ею нельзя управлять. Она определяет поступки персонажей, повести, противоречащие их желаниям, их мировоззрению: «все наши принципы как-то не мирятся с условиями нашей жизни <...> Мы думаем управлять нашей жизнью, строим для нее разные планы и предначертания, а жизнь каждый раз разрушает их» (№ 5, с. 135).

Подобные пессимистические мотивы, связанные, как правило, с вопросами о судьбе женщины, слышатся и в других произведениях «Женского вестника». При этом везде «женский вопрос» рассматривается как производный, определяемый всей системой отношений. Именно последняя — причина трагедии Леониды, героини повести К. Кованько «Больная» (№№ 8, 9) [35]. Личная жизнь ее относительно благополучна, но острое чувство недовольства окружающим не покидает Леониду. Ей хочется раздать имущество бедным, сделать многое для облегчения судьбы человека, но она сама не верит в возможность осуществления своей мечты, полностью разочаровывается в жизни. Ее сила, искренность, любовь погибают бесцельно, никому не принося пользы. По словам Леониды, «человек не может вынести хладнокровно созерцания бесконечных страданий и несправедливости кругом себя», он или гибнет или тупеет (№ 8, с. 100). Неоднократно повторяются в дневнике Леониды слова Шевченко: «Трачу літа в лютом горі і кінця не бачу» (№ 8, с. 88, 93).

К грустным пессимистическим выводам приходит в конце повести и Бахметьев, один из ее героев, веривший прежде в торжество светлых идеалов: «Для чего же мне жить?.. Для пользы? Как будто возможна от меня польза в этой громадной работе, которую производит природа и в которой я кружусь непроизвольно, как пылинка в вихре?.. Жить для любви? Как будто любовь может жить в этом гнилом брожении <...> Умереть?.. какой выигрыш?.. не в этой форме, не в этих соединениях, но разве не то же страдание и не та же жизнь? <...> Туман, один туман... тот же прежний туман...» (№ 9, с. 54).

Подобные размышления, затрагивающие в какой-то степени и вопрос биологической ничтожности человека перед лицом вечной природы, перекликались отчасти с проблематикой произведений Тургенева («Поездка в Полесье», «Призраки», «Довольно», «Дым»). Концовка повести, слова о тумане прямо напоминают роман Тургенева. Не случайно редакция «Женского

---

[35] Позднее Кованько напечатала в «Деле» (1868) повесть «Сумасбродка».

вестника» довольно сочувственно отзывается о мотивах недовольства окружающим, разочарованности, отразившихся в «Дыме (см. с. 111). Но в целом позиция Кованько не похожа на тургеневскую. Автор «Больной» с полным сочувствием относится к демократическим идеям. Трагедия героев вызвана тем, что они не могут претворить эти идеи в жизнь. Речь идет именно о трагедии, а не о фарсе. Невозможность действовать определяется эпохой безвременья. Конечно, решения Кованько неизмеримо прямолинейнее и схематичнее, чем у Тургенева. В повести «Больная» почти нет действия, подлинного раскрытия внутреннего мира героев, художественной мотивировки их. В ней много романтически-сентиментальных сцен, действующих лиц, почти не связанных с развитием сюжета, растянутых описаний. Содержание превращается иногда в средство декларативного провозглашения авторских идей. Совершенно ясно, что Кованько никоим образом не может быть сравниваема с Тургеневым по степени таланта, художественного изображения действительности. В повести «Больная» сказались те слабости и недостатки, которые вообще были характерны для оригинальной прозы «Женского вестника». Вместе с тем эта повесть ориентирована на социальное решение вопроса (вернее, имеются в виду социальные причины невозможности решения). Она выдержана в духе демократических традиций эпохи кризиса и наступления реакции, отражает силу и слабость этих традиций.

О гибели героини, умной и хорошей, стремившейся к честной трудовой жизни, говорится в рассказе К. Г-вой (С. Н. Бажиной) «Дневник женщины» (№ 6). Здесь вновь «женский вопрос» поставлен как частное проявление общих социальных проблем, порожденных противоречиями большого города, определяющими судьбу интеллигентного бедняка-разночинца, с трудом зарабатывающего себе на хлеб, осужденного на изматывающий неблагодарный труд, на гибель.

В несколько более светлых красках обрисована история формирования характера героини, Кати, в повести М. М-ной (М. Г. Мышкиной) «Мирные сцены в мирном городе» (№№ 3, 4). Автор повести неоднократно обращается к мотивам, связанным с именами деятелей «Современника». Обрисовка матери Кати напоминает изображение Розальской, матери Веры Павловны, в романе Чернышевского «Что делать?»: «Если бы к ее характеру прибавить верный взгляд на вещи, она непременно прожила бы не без пользы <...> Не она виновата, что трудилась безуспешно. Прежде, чем упрекнуть ее в чем-нибудь, нужно принять во внимание ее собственное воспитание и прежнюю обстановку ее жизни» (№ 3, с. 7).

Следователь Корицын, речи которого нравятся Кате, напоминает Корепанова из «Губернских очерков» Щедрина. Знаме-

нательно, что характер Корицына для Кати проясняется при чтении рассуждений Добролюбова о Корепанове.

Катя увлекается журнальными статьями, Добролюбовым, она поет «Песню Еремушке» Некрасова. Один из персонажей повести, Володя, приносит Кате тетрадь со стихами Пушкина, Лермонтова, в конце которой помещено «множество стихотворений, подписанных одними буквами» (№ 4, с. 24). Видимо, речь идет о нелегальной революционной поэзии. Именно последние стихи производят особое воздействие на Катю, ее «охватило какое-то совершенно новое чувство. Читая их, она весело улыбалась и слышала в себе силу какую-то. Проникнутые любовью к родине, презрением к самодурству и ко всему, что носит на себе печать бесчестия и лжи, они произвели на Катю впечатление очень сильное и подняли все силы ее души» (№ 4, с. 24—25).

Писательница оставляет героиню на распутье. Всякая ложь страшит Катю, а вокруг она видит засилие лжи. Мышкина сама не знает, как сложится в дальнейшем жизнь Кати. Крушение надежд героини не предопределено, но оно весьма вероятно.

На будничное, противопоставленное романтизму, изображение действительности ориентирован роман Шеллер-Михайлова «В чаду глубоких соображений» (№№ 1, 5, 6, 9). В нем ощущается сочувствие героям-разночинцам, звучат отголоски демократических идей, но сказывается и ограниченность позиции автора. Шеллер, видимо, верит, что он продолжает демократические традиции начала 60-х гг., и это отчасти так. Но сказывается в его романах и пересмотр прежних традиций. Социальные конфликты лишаются остроты, снимается тема борьбы, сглаживается трагизм положения героев. Подзаголовок романа («Дюжинная история с дюжинными героями») вполне выражает сущность произведения Шеллера, нарочито приземленного, лишенного значимых проблем, буднично-скучного, растянутого, отразившего художественную слабость писателя и шаткость его идейных позиций [36].

Несколько особняком стоит рассказ «Былое» (№7), выдержанный в романтическом плане, стилизованный в духе народности, сбивающейся иногда на сентиментальную слащавость. Но тема крепостного произвола, история крестьянской девушки, выданной по приказу ревнивой помещицы замуж за нелюбимого калеку и доведенной до самоубийства, сближала «Былое» с основным направлением «Женского вестника».

Гармонировали с этим направлением и переводы, печатавшиеся в «Приложении». Они были тоже в большинстве роман-

---

[36] О романах Шеллера см. Б. Ф. Егоров. Роман 1860-х — начала 1870-х годов о «новых людях». Тарту, 1963, с. 23—31. См. также отзывы Салтыкова-Щедрина о романах Шеллер-Михайлова (Н. Щедрин. Полн. собр. соч. М.—Л., 1933—1941, т. VIII, с. 312—318, 389).

тичны. В отборе их редакция, видимо, руководствовалась стремлением дать подписчикам не слишком серьезное, увлекательное чтение. Но и здесь повторялись определенные мотивы. Как правило, речь шла о судьбе женщины. Героини — бедные, незнатные, зарабатывающие своим трудом на жизнь, но сильно идеализированные, нарисованные в голубовато-розовых тонах. Такой изображена Руфь, героиня одноименного романа Гаскель (№ 1—7), бедная, прекрасная швея, соблазненная и брошенная богатым барином. В мелодраматических тонах описана история гувернантки Мэри в рассказе Галль «Гувернантка» (№ 4). Тема сословного неравенства мимоходом затронута в романе Крек «Вера Унвин» (№№ 1—3), героиня которого — дочь австралийского фермера — выходит замуж за английского дворянина, владельца поместья.

В романах Ганьер «Страдания женщины» (№№ 5—7) и «Отверженные» (№№ 8—9) затрагивается не только «женский вопрос», но и положение европейского рабочего класса. В них много романтических, мелодраматических сцен, идеальных героев, демонических злодеев. Но здесь речь идет и о жизни трущоб, населенных бедняками, о тяжелой судьбе лионских ткачей, о законах, лишающих трудящихся заработка (№ 5, с. 15), о контрастах между избытком и крайней нищетой (№ 5, с. 21), о работницах-швеях Парижа, толкаемых условиями существования к пороку и разврату (№ 7, с. 164, 169). Автор включает в романы ряд прямых деклараций о тяжелом положении женщин-рабочих (№ 5, с. 17). В сносках он ссылается на описания жизни трудящихся классов, даваемые Жюль Симоном и Бланки (№ 5, с. 24). Упоминается о стачках, о волнениях среди ткачей, о тайных собраниях рабочих.

«Страдания женщины» и «Отверженные» — произведения отнюдь не радикальные. В них встречаются образы сердобольных богачей, помогающих беднякам (фабрикант Борель, его сестра Батильда). Автор отрицает насилие. Прядильщик Женду, один из персонажей, участник тайных собраний рабочих, арестованный властями, порицает сторонников насилия, полного уничтожения капиталистов, хотя и считает необходимым изменение существующих условий.

Тем не менее в романах отчетливо ощущается мысль, что буржуазный порядок несовершенен, что он обрекает народ на самую тяжелую участь, что капитализм, хотя и лучше феодализма, но в достаточной степени плох. По мнению автора, период господства буржуазии — эпоха переходная, которая сменится справедливым общественным устройством. Всё это непосредственно перекликалось с выводами статей о рабочем классе, публикуемых в «Женском вестнике».

Проза издания Мессарош в целом не возвышалась над средним, довольно невысоким, журнально-литературным уровнем

своего времени. Правда, утверждать это нужно с известной оговоркой. Не следует забывать, что в десяти номерах журнала четыре раза появлялось имя Г. Успенского и один раз имя Помяловского, что этим писателям принадлежит около трети оригинальных прозаических произведений, напечатанных в «Женском вестнике».

Но все же главенствующее положение, по количеству и особенно по объему, занимали повести и романы, которые отнюдь нельзя назвать высокохудожественными. Прямолинейная дидактичность, декларативность, растянутость — типичные черты подобных произведений, герои которых подчиняются не логике развития их характера, а авторской концепции. В изображении такого рода сказалась ограниченность таланта, художественная слабость. Но прав Б. Ф. Егоров, замечая, по поводу творчества Шеллер-Михайлова, что творческая ограниченность этого автора неразрывно связана с шаткостью его идейной позиции, что она «лишь углубляла <...> недостатки, но не была их первопричиною»[37].

Приведенную характеристику можно было бы, с определенными оговорками, отнести и к другим прозаикам «Женского вестника». Далеко не все они повторяли Шеллер-Михайлова. В романах последнего, как говорилось выше, ощущалась определенная успокоенность, сглаженность конфликтов. У других авторов шаткость их идейной позиции проявлялась по-иному. Они показывали несостоятельность коренных основ общественного устройства, сочувствовали «новым людям», их идеалам, понимали невозможность близкого осуществления таких идеалов, трагедию, порожденную победой реакции. Все это сближало прозаиков «Женского вестника» с точкой зрения революционных демократов нереволюционного периода русской истории, вводило произведения, напечатанные в журнале, в русло демократической литературы.

Но прозаики «Женского вестника» слишком выпячивали на первый план проблему «сломленности» героя, совершенно выбитого из колеи, которого «заела среда». В таком преобразованном виде ставится один из наиболее важных для демократической мысли вопросов, о социальной обусловленности человека. Для подобной постановки имелись свои причины, она объяснялась во многом реальным жизненным опытом. Не случайно тема «заедания» раздражала всех тех, кто стремился к примирению с существующим порядком, не случайно цензура относилась к ней весьма настороженно.

Но эта тема имела и другой аспект. Растерянность, надрыв, трагическая безысходность определяют, как правило, основную

---

[37] Б. Ф. Егоров. Роман 1860-х — начала 1870-х годов о «новых людях», с. 31.

тональность произведений о сломленных героях. В сущности говорилось об их капитуляции, и эта капитуляция в какой-то степени оправдывалась. В зародыше здесь заключалась возможность прийти в будущем к убеждению, что «плетью обуха не перешибешь», и успокоиться на таком убеждении, удовлетвориться теорией «малых дел», либо, отчаявшись, покончить все счеты с жизнью.

Подобного рода тенденции, хотя они только намечались, уводили в сторону от русла революционно-демократической мысли. Само ощущение надрыва, сломленности противоречило ей. Революционно-демократическая мысль, при всей трагичности ее положения в эпоху торжества реакции, не доходила до безысходности. Она сохранила силу, уверенное спокойствие, хотя и ее выводы были в достаточной степени мрачны. Как пример, можно привести размышления Салтыкова-Щедрина из «Господ ташкентцев», печатавшихся в «Отечественных записках» в 1869 г., т. е. почти в рассматриваемое время. Говоря о прочности «Ташкентов» и о преемственности их, не утешая себя и читателей никакими радужными иллюзиями, писатель избегает всякого надрыва, указывает на единственный реальный в тех условиях выход. Он призывает понять явление, увидеть за его частными, случайными формами главную, определяющую сущность: «Понять известное явление значит уже обобщить его, значит осуществить его для себя не в одной какой-нибудь частности, а в целом ряде таковых, хотя бы они, на поверхностный взгляд, и имели между собой мало общего. Понять же явление вредное, порочное — значит наполовину предостеречь себя от него»[38]. Так переосмысливает Щедрин в эпоху реакции слова Чернышевского о «науке» (революционном мировоззрении), которая укажет средства, необходимые для изменения мира[39]: в эту эпоху ясное понимание происходящего становится своего рода действием. Писатели «Женского вестника», к сожалению, не поднимались до уровня такого понимания, но они и не пришли к примирению с действительностью, к оправданию ее.

---

[38] Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. X, с. 49.
[39] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, с. 117.